

ЭДУАРД
СНЕЖИН

ПОВЕСТЬ О
НЕ СОСТОЯВШЕЙСЯ
ЛЮБВИ

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Содержание

1. Ривьера	12. Увы!
2. На балконе	13. Ресторан
3. Вспышка	14. Казино, казино, казино!
4. Липарит	15. Дама с Амстердама
5. Очарованный	16. Откровение
6. Жизнь прекрасна!	17. Страдания молодого
Вертера
7. Звезда Ривьеры	18. Дагомыс
8. Ночной променад	19. Встреча
9. Дискотека	20. Эпилог
10. Наедине с чудом	21. Три года спустя
11. Первое мая	

© Эдуард Снежин 2016

© Skleněný můstek s.r.o. 2016

ISBN 978-80-7534-070-2

Повесть о несостоявшейся любви

*Сколько разнообразного счастья
и очаровательных мучений
заключается в неразделённой любви!*
А.Куприн. «Гранатовый браслет»

1. Ривьера

В Сочи из Краснодара я добирался ночью, на такси.

Извилистая горная дорога повторяла очертания берега моря. Внизу, во мраке, распласталось чёрное таинственное и необъятное чудовище. Его могучее дыхание согрело прибрежный воздух запасённой днём энергией, и я ожил, успев раньше, на равнине, чуть озябнуть от ночной майской прохлады.

Путёвка моя в санаторий «Кавказская Ривьера» была с тридцатого апреля. Весна случилась ранняя и тёплая, таксист сообщил, что температура воды – семнадцать – восемнадцать градусов и купальный сезон открыт!

Таксист довёз меня до самой калитки здравницы. Я остался один под черным бархатным куполом, усыпанным звездами.

Стояла пронзительная тишина, какая бывает только глубокой ночью. Сквозь фасонную железную решётку ограды пробивались крупные розы с капельками росы на лепестках.

Я ощутил сладостное томление, какое мы обычно испытываем на новом месте в ожидании чего-то неизвестного и увлекательного.

К корпусу вела красно-коричневая дорожка, посыпанная битым кирпичом и окаймлённая зарослями пахучего лаврового кустарника. Газовые фонари на изогнутых серебристых стойках тихо жужжали в ночной тишине.

Здание было двухэтажное, старое, деревянное, но с претензией на роскошь в стиле начала двадцатого века. Высокие окна, закруглённые в нижней и треугольные в верхней части, резные карнизы, двери и обечайки, балконы с веретёнообразными перилами. Я толкнул дверь: узкие

извилистые коридоры с заметными подъёмами и спусками, устланными зелёной ковровой дорожкой, казалось – идёшь по заросшей травой горной тропинке.

В изгибах коридора под сенью садовых олеандров – настоящие старинные мраморные скульптуры. Я закрыл глаза ... и живо представил себе, как раньше здесь гуляли выпренные графья в длинных сюртуках и обтягивающих панталонах со штрипками и томные дамы в кружевных шляпах и в длинных, волочащихся по полу кринолинах.

Я вдохнул полной грудью чуть терпкий запах многолетних испарений, впитавшихся в деревянные стены, и почувствовал благоговение – флёр старины незримо витал в воздухе.

2. На балконе

Дежурная, дремлющая за столом чуть поодаль от входа, которой я сразу презентовал шоколадку, определила меня в номер на втором этаже:

- Ключа не надо, там у вас сосед, очень интеллигентный армянин.
- Номер с видом на море?
- Да.

Я быстро нашёл нужную дверь и осторожно зашёл в комнату. Сквозь балконный проем в нее падал мягкий, ослабленный матовой шторой свет уличного фонаря. Его было вполне достаточно, чтобы рассмотреть моё временное жилище. Комната метров четырнадцать. Две кровати, на одной спит «интеллигентный армянин» – на вид лет пятидесяти, с резким мужественным профилем. Между кроватями стол, на нем стеклянный графинчик и стаканы, рядом пара плетёных кресел-качалок, в углу одёжный шкаф, над кроватями светильники, Коврик на полу, умывальник с двумя кранами. Я потихоньку отвернул каждый и подставил ладонь под струю. Вода и холодная, и горячая! Я счастливо улыбнулся.

Засунув дорожный баул в шкаф, я осторожно вышел на балкон – на первую встречу с новым местом обитания.

Балкон оказался длинной крышей выступающего вперед первого этажа. Множество лежаков, оставленные тут же пляжные принадлежности. Значит, загорать тут можно, что называется, «на дому». С удовольствием же я обнаружил, что совсем рядом, там, где балкон за-

канчивался, можно легко спрыгнуть – высота не более полуметра – на бетонную стенку, а оттуда – на землю. «Здорово! – подумал я. – Можно покидать номер и возвращаться обратно в любое время, даже если дверь корпуса закроют на ключ».

Ниже начиналась освещенная голубым светом фонарей крутая гранитная лестница с каменными головами львов по сторонам. Лестница заканчивалась где-то во тьме, у самого пляжа. Тут и там по спуску в беспорядке разбросаны развесистые кроны туи и южной низкорослой сосны. И, конечно, пальмы. Какой же юг без пальм?

С моря доносился ленивый шелест волн и стойкий солёно-эротичный йодистый запах. Цикады пронзительно исполняли томную песню о сладости жизни и её суете...

3. Вспышка

Вдруг я обнаружил, что стою под черным небом уже не один. На соседний балкон вышла девушка – в белом халате и голубой полотняной шапочке с красным крестиком.

Девушка была миловидна сама по себе, а белый медицинский наряд, если из него контрастно выступают гладкие загорелые ноги, возбуждает неимоверно. Я сразу понял, что ей скучно одной в такую ночь, распалющую плоть острыми запахами зрелой весны. Предлог к общению она выбрала самый тривиальный – попросила спичек, прикурить сигарету.

– Сейчас! – с энтузиазмом откликнулся я.

Осторожно, чтобы не разбудить соседа, я нырнул в номер, прихватил из дорожного саквояжа бутылку коньяка, и вернулся на балкон. Девушка стояла, опершись на перила, и смотрела куда-то вдаль. Халатик ярко белел в загадочной тьме. На мое приближение она обернулась и протянула руку, изящно придерживая пальцами сигарету. Я поднес зажигалку и с хитровато-невинной улыбкой покрутил бутылкой, дескать, что с ней делать, раз есть – надо употребить...

Девушка несколько раз жадно затянулась, потом решительно отбросила сигарету.

– Пошли в комнату, раз ты такой прыткий, – прошептала она. – Кто-нибудь еще увидит...

Это было явное и неожиданное приглашение к близости. Сердце

моё затрепыхалось, чуть не выскочив из груди.

Комната по соседству оказалась медпунктом, слабый свет ночника освещал белые шкафы, розоватую кушетку, огромное, сверкающее никелем гинекологическое кресло и голубоватый столик, на который я и водрузил бутылку.

– Господи, какие у тебя губки! – прошептал я, впиваясь в маленький пухлый ротик, благоухающий яблочным ароматом. Одновременно я пытался нащупать под соблазнительным халатиком трусики. Но трусиков не оказалось – моя рука скользнула по гладким упругим ягодицам, чуть задержавшись на разделяющей их черте, покрытой мягким спутанным пушком.

Я посадил девушку на кушетку, а сам стал на пол, на колени.

– Не надо! Не надо! – бормотала она, подчиняясь, однако, движениям моих рук, настойчиво раздвигающих её округлые коленки.

Вспыхнувшая внезапно обоюдная страсть не нуждалась даже в коньячной прелюдии, и я сразу неистово овладел девушкой на жёстком ложе кушетки. Кушетка жалобно заскрипела под неудержимым напором моего восставшего органа. Его недельное воздержание излилось бурным горячим потоком, который переполнил ложбинку ночной соблазнительницы и оросил её пухлые розоватые берега.

– Как тебя зовут? – спросил я, чуть отдышавшись.

– Таня.

Накинув свой белый халатик, она достала из стеклянного шкафчика две мензурки, а из тумбочки – два яблока. После пары мензурок коньяка я бросил взгляд на выглядывающую из-под края халата загорелую ногу и, обхватив ее ладонью повыше коленки, вновь повалил девушку на кушетку.

Лежачок, не приспособленный к таким экстремальным нагрузкам, снова отозвался скрипучим стоном.

– Заколебал меня этот скрип! – рассердилась Таня, бросила на пол одеяло и оседлала меня сверху. Когда закончился коньяк, мы очумели от обилия поз ...

4. Липарит

В номер я вернулся чинно и тихо, через коридор. Однако предосторожности мои были напрасными. Сосед уже не спал.

– Я всё слышал и подпрыгивал, – откровенно признался он.

– Так неожиданно все получилось... Выпьем за знакомство, – я опять полез в баул за бутылкой.

– Не надо! Ты уже издержал одна бутылка. У меня коньяк полный чемодан, – сказал армянин, путая, как все кавказцы, русские падежи, и откинул одеяло. Спал он в полосатой пижаме.

– Меня зовут Липарит, – он включил светильник в изголовье кровати. – Мне пятьдесят два год, но я люблю только молодой девушка. Эта сестричка... Ой, какой девушка! Я вечером видел её ножки.

– Ну, извини, я не знал...долго ты на неё настраивался, сам виноват. Я Дмитрий, тридцать лет.

– Я просил дежурный поселить мне интеллигентный молодой человек, давал коробку конфет, теперь я вижу, что у нас, Дима, будет хороший компания.

С этими словами Липарит полез в шкаф, вытащил из него роскошный кожаный чемодан и открыл его. Чемодан действительно был весь заполнен бутылками коньяка «Арапат» вперемежку с обычным, трёхзвёздочным.

– «Арапат» по торжественный случай, сегодня надо, – произнёс Липарит и выставил на стол вожделенный напиток. Я подкрепил его баночкой красной икры.

Сосед был сухощав, строен, так что казался высоким при относительно небольшом росте. Как сообщил Липарит, раньше он служил армейским офицером и ушёл в отставку в чине подполковника. Орлиный профиль, но без хищного выражения – на лице постоянно светилась мягкая добрая улыбка, а большие глаза с густыми ресницами, думаю, и до сих пор завораживают молоденьких красавиц.

Разлѣгшись в качалках, мы пригубили коньяк из казенных граненых стаканов.

– Душ и ванная на этаже. Медпункт ты уже познакомился, – засмеялся Липарит.

После всего выпитого и пережитого меня быстро сморило прямо в кресле.

5. Очарованный

Море, море, море ...

Мы с Липаритом лежим на санаторном пляже. Вокруг – загорелые женские тела, демонстрирующие волнующие округлости, их обладательницам в основном около сорока, многие дамы – без сопровождения церберов мужского пола.

Липарит толкает меня в бок, обращая внимание на одинокую, ещё не загоревшую молодую блондинку в солнечном абрикосовом купальнике и включает на «Соньке» любимую песню своей молодости: «Эти глаза, напротив!» в исполнении Ободзинского, ожидая, видимо, что красавица непременно клонет на эту задушевную лирическую мелодию.

«Как это он высмотрел такую девушку? Ну и нюх у армянина!» – удивился я про себя.

Среди множества привлекательных женщин на пляже блондинка выглядит выдающейся. Ей восемнадцать – девятнадцать лет, она крепкая и даже коренастая, но весь ее облик представляет собой эталон истинно славянской красоты: собранные в узел очень светлые, почти белые, с соломенным отливом волосы, приятно округлая форма лица без резко обозначенных скул, глаза – с детским, но умным выражением – большие, спокойные, ярко-вишнёвого цвета. Брови и ресницы тёмные. Для блондинки это очень интересно. Я подумал, что и в интимном месте волосы у неё тоже тёмные – такой волнующий контраст!

Подстегнутый этой мыслью, я продолжал разглядывать девушку. Чуть вздёрнутый аккуратный носик, пухлые губы, маленькие эллиптические ушки с пышными мочками, чуть тяжеловатый подбородок, широкие, но красивой формы плечи с плавным покатым переходом в предплечья, мягкие запястья, кажется, жаждущие того, чтобы их обхватили крепкие мужские руки, маленькие изящные кисти с коротко подстриженными не накрашенными ноготками.

Без всякого намека на косметику, она светится естественной, здоровой, первозданной какой-то красотой.

Но главное чудо девушки – её ноги. При среднем росте, приблизительно метр шестьдесят пять, и прилично (а скорее, неприлично) выступающих верхних и нижних округлостях, девушка выглядит стройной за счёт удлинённых ног.

Известно, что «золотым сечением» – гармоничным для глаза наблюдателя соотношением между ростом и длиной ног – обладают, как ни

странно, не женщины, а мужчины, у них ноги относительно длиннее. Оттого и придуман высокий дамский каблук – чтобы зрительно удлинить ногу.

Но у этой блондинки ноги длиннее нормы, пожалуй, на целых десять сантиметров! При этом мягкие поверхности её бёдер ровно сходятся, без единой щелочки, ошеломляющие икры привлекательно полноваты и заканчиваются маленькими ступнями с высоким подъёмом.

Именно из таких вот крепких молодлиц и вырастают потом настоящие русские бабы, которые, «коня на скаку остановят, в горящую избу войдут», хотя к тому времени несколько расплывутся и потеряют форму, не утратив, разумеется, при этом своей стати. Стать – вот что отличает русскую красавицу от просто красавиц с любого конца планеты. Стать и спокойное достоинство в каждом жесте, словно нет у волшебницы и мысли о своей ошеломительной красоте.

С первого взгляда на нее девушка сразила меня наповал. И – поселила в моём сердце тоску – не про меня, ох, не про меня такое чудо!

Но охотничий азарт толкает меня идти напролом. Надо действовать – такая девушка без внимания долго не останется!

То ли под моим раздевающим взглядом, то ли на звук магнитофона, она чуть поворачивает голову в нашу сторону, окидывает нас рассеянным взором и тут же равнодушно опускает глаза.

Я опираюсь на локоть, пытаюсь обратить на себя внимание девушки. Тщетно! Вижу, какой-то шуплый молодой кавказец с карикатурно толстыми ножками плюхается рядом с красавицей. Не знаю, что уж она ему сказала, только кавказец сдулся от девушки метров на десять.

– Всем от винта даёт! – замечает Липарит и причмокивает:

– Но какой девушка!

Я сдерживаю укол безнадежного отчаяния и замечаю с видимым равнодушием:

– От винта, так от винта!

Бросаю голову на лежак, но подсознательно, краем глаза слежу за блондинкой.

Девушка встаёт, делает несколько разминающих движений и идёт к морю. Мы с Липаритом пожираем её глазами.

– Пошли купаться! – как бы, предлагаю я, хотя мне абсолютно не нужно его присутствие рядом.

– Нэт, море для меня холодный! – ёжится Липарит и, слава богу, не идёт со мной.

Я отплываю метров на двести и оборачиваюсь. С моря на берег открывается бурной радостью отзывающийся в душе сказочный вид на набережную: многоярусными рядами выстроились разлапистые пальмы, сверкают на солнце белоснежные беседки и балюстрады, гордыми лайнерами выступают среди зелени белые, розовые, голубые корпуса здравниц и гостиниц. «Слава этой благословенной земле!» – восторженно кричит моя душа.

Я снова смотрю на волны, ищу глазами девушку. Но сначала вижу стремительно приближающееся судно и уже потом ее. Она не замечает опасности и продолжает плыть, опустив лицо в воду. «Боже мой! Что она делает?» – ужасаюсь я. Судно выпускает пышущий жаром пар из выхлопных дюзов.

– Назад! Плыви назад! – кричу я и крупными гребками продвигаюсь навстречу безрассудной пловчихе.

Девушка, наконец, замечает судно и в панике шарахается в сторону, но расстояние между ней и судном катастрофически сокращается. Из последних сил плыву к ней на помощь. Когда я оказываюсь рядом, она уже готова потерять сознание – от страха и отчаяния. Обнимаю русалку за талию, чтобы поддержать ее на плаву и дать возможность передохнуть.

Грозный корабль, включив на всякий случай оправдательный гудок, тяжело шелестит мимо, обдавая нас горячим душным смрадом.

– Держись за мои ноги! – команду я девушке, и наш тандем благополучно причаливает к берегу.

На пляже нас встречает толпа сочувствующих и вынырнувший откуда-то штатный спасатель, который изо всех сил, надсадно дует в свисток, как Соловей-разбойник, демонстрируя свой высокий профессионализм.

– Я замёрзла. Проводи меня домой, пожалуйста, – просит девушка, она вся дрожит, и ей неловко от всеобщего внимания. Я согласно киваю. А в душе ликование.

Блондинка подходит к своему лежаку, одевается: блузка, джинсовая юбка.

Я лихорадочно напяливаю спортивный костюм.

– Уже повёл? Какой девушка! – комментирует Липарит мои торопливые сборы.

– Ладно тебе! – машу я рукой и подхожу к прелестной «утопленнице». Она уже готова и выжидающе смотрит мне в глаза. Огромные темные зрачки. Едва заметный пушок над верхней губой...

Мы поднимаемся по ступенькам до ротонды, на выходе с пляжа, где останавливаемся.

– Как тебя зовут? – спрашивает девушка.

– Дмитрий.

– А меня Елена. Ой, давай без взрослости! Дима и Лена.

– Конечно! – отвечаю я, а в голове сумбур – мы уже на «ты»? Но она предложила сама...

– Ты откуда? – спрашиваю я.

– Из Томска.

– Студенческий город! – уважительно делюсь я с красавицей единственной известной мне информацией о Томске.

– Да, Томск – город студентов. Я сама на втором курсе университета.

– На кого учишься?

– На психолога.

– Ого! С тобой надо держать ухо востро.

– Да, ну... Ничего я пока в жизни не понимаю, – смущается девушка.

– Так скоро экзамены. Как же ты уехала на юг?

– Дали турпутёвку. Книжки с собой взяла.

– А где живёшь? – решаю я зацепить полезные сведения, пока плавно течёт наша легкая беседа.

– В гостинице «Кубань».

– Я не знаю, где это, только сегодня приехал.

– А я вчера. Это туда выше – через парк.

– А там есть магазины? Завтра Первое мая, надо что-то закупить, а тут даже магазинов не видно.

– Там много магазинов, могу показать.

«Здорово! – думаю я, – контакт на пару часов обеспечен, надо цеплять дальше.»

– А ты определилась, как праздновать?

– Не знаю. В гостинице девчонки со мной в комнате, три, они вместе, с одного факультета, а я одна.

– Да мы тоже пока только вдвоём, с Липаритом, сосед мой.

– Это который «Соньку» крутит?
– Это он для тебя.
– Вот ещё!
– Ну что, празднуем вместе?
– Ладно! Девчонки застряли пиво пить в «Петушке», а я на ваш пляж пришла, пиво не люблю.
– А коньяк?
– В Сибири все пьют крепкие напитки, – улыбается она, обнажив ровные жемчужные зубки. Её круглое личико по-детски жмурится ярким солнечным лучам и само светится, как маленькое солнышко.
– Так, забежим ко мне за сумкой, и в магазин. Пошли, солнышко! – восторженно улыбаюсь я.
– Пошли-и-и! – мелодично повторяет она.

Мы поднимаемся на территорию «Ривьеры» и медленно шествуем между розовых кустов.

– Какие огромные! – восхищается девушка и наклоняется понюхать розы, обнажая ошеломляющие бёдра. Моё естество возмущается и встаёт. Я глубоко втягиваю живот и наклоняюсь, чтобы не обнаружить предательское вздутие в штанах.

– Розы на Кавказе влажные, не пахнут, – говорю я, чтобы что-нибудь сказать и отвлечься от напряжения. Но напряжённый орган так и не спадает, и мне приходится и дальше шагать в полусогнутой позе с втянутым животом, делая вид, что я взбираюсь на крутой склон. Впрочем, Лена этого не замечает.

К счастью, на входе нам никто не встретился, и мы благополучно, по кружевной анфиладе коридора, среди мраморных скульптур добираемся до моей комнаты, расположенной в одном из его самых полутёмных, таинственных изгибов.

– Как здесь красиво! – останавливается Лена перед скульптурой дискобола, рельефно напрягившего мускулы перед броском.

– Самая красивая здесь ты, – отвечаю я, и осторожно, чтобы Лена не почувствовала мой тычок, притягиваю её к себе и целую. Она чуть вздрагивает, но не сопротивляется.

Мы заходим в комнату. Я вытаскиваю из шкафа сумку, всем своим видом показывая, что мы зашли сюда по делу, бросаю её на стол и говорю как бы, между прочим: